

В РАЮ АЗАРТУ МЕСТА НЕТ

Концерт Бориса Березовского. Большой зал консерватории

Наталья ЗИМЯНИНА

Есть, конечно, что-то от спорта в идее сыграть все пять Концертов Бетховена за один вечер. Наверное, вид преодоления самого себя. Плюс азарт, возможно. В истории концертной жизни Москвы такое событие случилось впервые. Артистический подвиг Бориса Березовского, сполна реабилитировавшего имя своего более далекого от искусства тезки, заставил вспомнить участие этого пианиста в конкурсе имени Чайковского в 1990 году. Как на VI конкурсе никто не стоял рядом с Плетневым, так на IX главным претендентом на высшую награду сразу стал Березовский, студент Московской консерватории по классу Элисо Вирсаладзе. Этот конкурс довольно-таки опозорился тем, что на второй тур не пропустили гениального чудика Игоря Каменца, а третью премию распилили на три части. Зато первая была безоговорочной.

Вскоре Березовский покинул наши края, осел в Лондоне, и у нас его — за полным физическим отсутствием, — можно сказать, подзабыли. На сольном концерте в зале имени Чайковского в конце прошлого года, когда он феноменально, как стакан чаю пил, играл Трансцендентные этюды Листа, народу было не битком.

Однако на этот раз даже те, кому немного говорит имя пианиста Березовского, пришли, чтобы живьем и, главное, вкупе идентифицировать все бетховенские Концерты подряд.

Ну не совсем подряд. Игрались вперемежку Концерты хитовые с неходовыми. Вот так: №1, №3, №4, №2, №5. Фирменное березовское рiано с первых же минут заставило внутренне охнуть меломанов, а главное — многочисленных преподавателей музыкальных учебных заведений, годами тщетно добивающихся такого звука у своих питомцев. Знаменитые бетховенские контрасты были выявлены по существу, а не путем физического манипулирования звуком. Как же подкупало, что пианист не надрывал душу утрированными перепадами громкости и настроений, на что те же преподаватели так натаскивают своих несчастных учеников при прохождении бетховенских

сочинений. В Largo Первого концерта прозвучало будто бы даже романтическое придыхание. (А надо сказать, тут в зале вдруг в голос заплакал маленький ребенок, сроду здесь такого не было; слава Богу, его довольно быстро вынесли). Обстановка вообще поначалу была немножко нервная. Да и сам пианист первые полчаса во время оркестровых проигрышей сидел, бессильно уронив руки меж колен — в несколько обреченной позе. Но после божественной второй части Первого концерта ни о какой обреченности не могло быть и речи.

Последовавший Третий концерт, одно из самых знаменитых сочинений для фортепиано, явил все березовские чудеса в полном достатке — все эти легчайшие трели, воздушные гаммы и снова Largo на пиано. К финалу Третьего концерта все поняли, что Березовский — это такой верняк, когда не следует бояться ни одной лишней ноты, ни одного лишнего жеста и никакого прикольного выкрутаса. И вообще надо расслабиться и получать удовольствие, какому давно не было равных.

В первом перерыве в фойе кое-кто и возмущался (правда, негромко): мол, не Бетховен это, стали там какой-то кому-то не хватило. Но это уже наше, советское, извращенное. Вспомнился анекдот: Ленин, большой любитель «Аппассионаты», говорит Крупской: «Ну что, Надюша, давай нашу, нечеловеческую!..».

Второе отделение войдет в историю отдельно Четвертым концертом, столь редко исполняемым, что и музыка не на слуху даже. В нем будто слышатся иногда признаки нелогичного безумия — а у Березовского точность звука, перетекающие друг в друга дозы эмоций дают ощущение такой мощной гармонии личности, что впору забыть, какой монстр был лохматый композитор Бетховен.

Нам сыграли еще столь же непопулярный Второй, в котором в очередной раз с тоской думалось о странном некачестве аккомпанирующего в этот вечер оркестра «Musica viva», во всяком случае, его досадном несоответствии столь тонкому солисту. Ну, хоть не мешал ему особо, и то слава аллаху.

После второго (!) перерыва грянул великий Пятый концерт, лучезарный, как «Ода «К радости». Форте было полнозвучным — будто назло тем, кто считает, что Березовский слишком эксплуатирует свою феноменальную способность играть тихо и «не напрягаясь», — но и тут пианист не наступил на горло собственной песне и выдержал собственный стиль без советских вульгаризмов. Ну ангел же. Лучезарный человек, светлая душа.

Публика встала в знак глубокого уважения, преклонения теперь уже. Хлопали ин-

тенсивно, но коротко. Конечно, хотелось, чтобы рай продолжался бесконечно: вот бы еще два Концерта Шопена, и оба Листа, и оба Брамса, чего уж там. Но в раю спортом не занимаются. Да и азарта, честно говоря, весь вечер никакого не ощущалось. Так что все слова зачина беру обратно.

А светлый человек, благодаря артистическому агентству «Жар-птица», поехал греть своим гигантским, в три отделения, Бетховеном еще Пермь, Казань, Самару и Екатеринбург. Счастливые! ■

Без. Казань. — 2001. — 28 сент. — с. 6

ФОТО ВИКТОРА АХЛОМОВА

Борис Березовский на репетиции.